

JUN 9 1959

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

15-летие высадки в Нормании

Геттисберг, 6 июня. — Сегодня исполнилось 15 лет со дня высадки союзников в Нормании. Десант начался 6 июня 1944 года в 6.30 утра под общим руководством главнокомандующего — генерала Айзенхауэра. Генерал ничем особым не отметил этой годовщины. Айзенхауэр в этот день, как обычно играл в гольф, беседовал с соседями по имению и выступил с кратким словом перед местными фермерами.

КАТАСТРОФА ВО ВРЕМЯ ГОНОК В МИЗУРИ

Сэйнт Джозеф, Мизури, 6 июня. — Во время автомобильных гонок машина одного из гонщиков налетела на другую, была подброшена на высоту в 60 футов и упала в местах для зрителей. Ранено 28 человек, в том числе — сам гонщик.

СТРЕЛЬБА В ХАРЛЕМЕ

В Харлеме на 103 улице произошел «бой» между подростками-хулиганами. Ранены один из подростков и двое прохожих. Двум подросткам, участвовавшим в стрельбе, удалось скрыться.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

сотрудников той самой газеты, в которую она послала свою статью: Она пишет: «Или какой-нибудь ученый профессор по кафедре русской литературы англо-саксонского университета. вдруг введет в круг «эмигрантских классиков» посредственного стихотворца или не убоявшись тысячелетней давности, столь восхитится переложением в стихи трех эпизодов из Библии, что потом читатель подобно мне этой большей и восторженной статье по веривший и книгу купивший, месяца два клянет его: и деньги пропали и время пропало».

Для читателей НРС (да вероятно и для некоторых читателей «Русской Мысли») этот пассаж нуждается в расшифровке: «ученый профессор», о котором здесь идет речь, это давний сотрудник «Русской Мысли» Н. Е. Андреев, а статья его — о «Трех Царях» Н. А. Оцуца, еще более близкого сотрудника той же газеты, к тому же совсем недавно скончавшегося и кроме того когда то человека к Г. В. Иванову и И. В. Одоевцевой близкого. Можно быть разного мнения о библейской трилогии Оцуца, но отозваться о ней так походя и даже не называя имен — это верх литературного безвкусицы и неприличия. А г-жа Шекарзина еще позволяет себе говорить о не-критиках, сующих свой нос в критику. Трудно понять, почему редакция «Русской Мысли» не считает нужным статью г-жи Шекарзиной напечатать, а г-жа Одоевцева не сочла нужным от подобной «поддержки» отгородиться.

Неуместно и непристойно и следующее замечание г-жи Ш. в конце статьи: «Последнее мое недоумение — это уж в сторону тех «поэтов Ди-Пи», которые в течение десяти лет считались представителями молодого пореволюционного подсоветского поколения и вдруг оказались и по возрасту и по стихам людьми прежней культуры. Если меня, например, кто-нибудь стал бы называть американкой, я немедленно написала бы письмо в редакцию».

Иной Грибоедов

Недавно отмечали 130-летие со дня кончины Грибоедова, вспоминая при этом обстоятельства его гибели, его дипломатические заслуги перед Россией, не выяснив при этом отношений с декабристами и, конечно, прежде всего «Горе от ума». Никто не подумал обратиться к другому черту характера Грибоедова как человека и писателя, — черту и увлекательную и курьезную.

Парадокс творчества Грибоедова состоит в том, что он вошел в русскую литературу, и даже занял в ней весьма почетное место, совсем не в том жанре, о котором он сам думал. Автор бытовой комедии, с которой одной для широкой читательской публики связано его имя, он забыт как поэт, и даже как автор других драматических произведений и й. Впрочем, из этих последних более начитанная часть интеллигенции иногда называет «Молодые супруги», «Притворную неверность», или даже «Студента».

Мало кто знает, что Грибоедов мечтал всю жизнь написать что-нибудь грандиозное в пламенном романтическом духе. Именно на этом сосредоточились все его мечты о славе и известности. — Современникам был хорошо знаком его характер, словно бы сложенный из двух различных кусков: страстной и бурной натуры и холодного, глубокого рассудка. Но сам он, как это видно из записок его друзей и его собственных высказываний, в области поэзии больше рассчитывал на первую половину своей природы и желал создать нечто, что бы ей в первую очередь отвечало.

Может быть, однако, он плохо понимал сам свой талант, и у него не было нужных задатков для вещи в этом роде? Едва ли. Единственное цель-

— «Никогда в Америке не была». А эти, бедные, десять лет терпели и молчали — не могу понять, почему и какая им от этого могла быть выгода».

Речь явно идет опять о Д. И. Кленовском, которого Н. И. Ульянов ошибочно счел типичным представителем новой эмиграции, ничего, впрочем, не сказав насчет его возраста. В своем ответе Ульянову я уже указал, что Кленовский для новой эмиграции не характерен, что он человек дореволюционной культуры, что его первая книга стихов вышла еще накануне революции, после чего он ничего оказался в свободном мире. Это, конечно, не мешало Кленовскому быть, «хронологически» говоря, «новым» эмигрантом, человеком подсоветским, оказавшемся за пределами России уже во время Второй мировой войны, а потому таковым и считаться. Среди новоэмигрантских писателей есть люди разного возраста, а вовсе не только пореволюционное поколение — назову хотя бы Н. В. Нарокова, который старше Кленовского. Что Кленовский «терпел», как выражается г-жа Ш., и против чего он должен был протестовать «письмом в редакцию», я — увольте — не понимаю. Он напечатал в свое время свои воспоминания о Царскосельской гимназии, из которых можно было во всяком случае составить себе приблизительное представление о его возрасте. Сам он никогда не скрывал его, и в моей книге «Русская литература в изгнании» точно указан год его рождения на основании информации, по которой отчего тут возраст, и почему г-же Одоевцевой, а вслед за ней и г-же Ш., понадобилось заниматься возрастом этого прекрасного поэта? И. Одоевцева говорит, что Георгий Иванов разочаровался, узнав, к какому поколению принадлежал Кленовский. Да прощайте меня г-жа Одоевцева, но я предпочитаю ей не верить.

Глеб Струве

но, хотя и небольшое произведение Грибоедова, отмеченное этим духом, это — стихотворение «Хищники на Чегеме», поражающее своей дикой силой. И недаром оно связано с Кавказом, этой колыбелью русского романтизма, откуда Пушкин, Лермонтов, Марлинский, позже Полонский, черпали мотивы для страстных, ярких и меланхолических стихов и прозы, пронизанных тем отрицанием будничной жизни, той экзотикой, которая составляет самую эссенцию романтизма, и к которой близки позднейшие западноевропейские писатели колониальной школы, типа Киплинга, Клода Фэррера, Пьера Милля, Конрада, Отчисти Стэнсона и Джэка Лондона.

Приведем несколько отрывков.

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

Так начинается эта картина горской вольности, перед которой автор, европейски воспитанный русский, замирает в цепобедимом восхищении.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла и вихрей спор...

В третьей строфе, однако, лучше всего выражены главные элементы романтизма, присущие ему во всех странах: его любовь к прошлому и к природе.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива,
Та же в небе синева!
Те же льданные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота

По ущельям разлита!

Если бы это стихотворение было единственным у Грибоедова! Но мы знаем о том, как ему дорог был план трагедии «Грузинские ночи», — опять с местом действия на том же Кавказе, — от которой, к несчастью, сохранились лишь незначительные отрывки. Но они странным образом предвосхищают лермонтовского «Демона». Появление горных духов «Али», которых вызывает старуха — нянька, потому что князь, ее хозяин, продал ее сына, а чтобы выкупить своего коня... а главное, диалог между нею и князем, доказывают, что эта вещь в целом могла бы совсем изменить нашу оценку Грибоедова, доведи он свое предведение до конца. Он несомненно сделал бы это, но помешала безвременная смерть.

Вот отрывок из речи князя:

Я помню о людях, о Боге
И сына твоего не дал бы
без нужды.
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях
меня прославил.
Из жарких битв он выносил
меня...
Тот подл, кто бы его в чужих
руках оставил.

Драма о войне 1812 года (до нас дошел только один отрывок и план), с появлением на сцене теней русских героев от Святослава и Владимира, была, как можно предположить, скорее в манере шекспировских хроник, а не тех французских образцов с тремя условными единствами, которым Грибоедов следовал в «Горе от ума» и других своих пьесах.

В отличие от не доведенных до конца «Грузинских ночей», многое заставляет думать, что грибоедовская пьеса из времен русско-половецкой войны была написана подпольно или по крайней мере в главных чертах — и как жалеешь о том, что рукопись пропала, когда читаешь единственно уцелевшую сцену, «Диалог половецких мужей»! Как мастерски выражен в нем душевный строй воинов — кочевников, с какой мощью передана тоска двух стариков по ушедшей юности, как дивно схвачена вся поэзия бесконечных южных степей!

Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запереть арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь пряткий не слуга,
В осенней мгле с дрожаньем молодецким,

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В Государственной издательстве художественной литературы выходит в свет четырехтомное собрание сочинений Жуковского. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкие круги читателей. До революции полное собрание сочинений Жуковского в 12 томах вышел в 1902 году в издании Маркса, позднее в однотомнике Вольфа и др. В СССР до последнего времени выходили только однотомники избранных сочинений писателя.

Данью побудившего интереса к творчеству Врубеля является полученный здесь альбом с крисочными и черными репродукциями. В альбоме 53 воспроизведения. Резко критикуют красочные репродукции те, кто видел оригиналы Врубеля. Предисловие с характеристикой сложного творчества безвременного скончавшегося художника написано составительницей альбома Журавлевой.

Она заканчивает свою статью словами: «Редкий дар поэтической фантазии, богатство колорита, мастерство рисунка широта композиционных замыслов — все это составляет ценные стороны многогранного наследия Врубеля». Из дореволюционной литературы о Врубеле на первое место нужно поставить монографию Яремича под редакцией Грабара.

В издании Всесоюзной книжной палаты в первый раз вышел англо-русский библиотечно-библиографический словарь. Кроме 11,000 терминов и других слов, на более употребительных в библиотечно-библиографическом деле, туда входят: сокращения, справочные таблицы и несколько сот рисунков, иллюстрирующих термины словаря. Словарь включает так

Он, притаясь, добычи не бледит,
Тот ляг в сыру землю: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Вековая борьба наших предков с тюркскими племенами встает из строк Грибоедова, освещенная с иной, необычной стороны, с точки зрения правобойников, этих рыцарей — рабовников диких равнин:

О, плачься, Русь богатая!
Бывало
Ее полки и в наших рубежах
Корысть делать. Теперь не то настало!
Огни ночной порой и в камышах
Не так разлитым заревом пугают
Как пламя русских сел, — еще пылают
По берегам Трубежа и Десны...

ГЕНДЕЛЬ В РОССИИ

(Начало на 3 странице)
во. Ленинград 1957 г., второй том которой еще не опубликован В этой книге рассказывается как Рубинштейн, в июне 1854 года, сопровождал Листа на хоровые концерты в Галле, а оттуда они отправились в Роттердам, на юбилейные празднества Нидерландского музыкального Общества, где слушали ораторию Генделя «Израиль в Египте».

В апрельской книжке «Советская музыка» Р. Грубер напоминает, что Глинка называл Генделя «гениальным маэстро, постигшим таниальное искусство. Глинка рекомендовал исполнять в концертах «Генделя, Генделя, Генделя».

В одном из «Писем русского путешественника», помеченном июлем 1790 года, Карамзин рассказывает об исполнении «Мессии» в лондонском Вестминстерском аббатстве: «В оркестре было 900 музыкантов. Вообразите действие 600 инструментов и 300 голосов, наилучшим образом согласенных в огромной зале, при бесчисленном множестве слушателей, соблюдающих глубокое молчание! Какая величественная гармония! Какие трогательные арии! Гремящие хоры! Слышать музыку Перголези, Гайдна, но ничем не было столько растроган как генделевским «Мессией», и радостно, и величественно, и чувствительно...»

Камерные и клавирные пьесы Генделя в конце 18 века продавались в московских магазинах, о чем объявлялось в газетах. Любитель музыки кн. Цицианов просит отыскать в Англии «все сочинения Госпо-

же термины по полиграфии, книгоиздательству, фотографии, микрофотографии, звукозаписи и кинематографии.

Исключительно резко-враждебную критику сионизма и руководящих кругов Израиля дает брошюра (148 стр.) Иванова и Шейниса «Государство Израиль, его положение и политика». Брошюра вышла в Москве в конце прошлого года крупным тиражом — 100 тысяч экземпляров

«В старом Китае» — под таким названием впервые частично опубликованы дневники одного из лучших знатоков китайской культуры покойного академика В. М. Алексеева. В книге описан старый Китай в 1907 году, когда автор — в будущем блестящий руководитель русской школы сиологов сошел с известным французским ученым в Шанхай на научную экспедицию по Китаю.

В издательстве «Советская Россия» выходит сборник, посвященный итогам первого Учредительного съезда писателей РСФСР. В основной части сборника помещен доклад Соболева «Литература и наша современность» и выступления делегатов съезда.

Г. Раковский

ДЛЯ ОТЗЫВА

В редакцию Нового Русского Слова поступили для отзыва следующие издания:
The Russian Push Toward Japan. Russian - Japanese Relations 1697-1875. By George Alexander Lensen. Princeton University Press, Princeton, N. J. \$10.00.
The Third World War. Trade and Industry — the New Battleground. By Harry Wilton. Philosophical Library. New York. \$6.00.

Там бранные пожары засвечивают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

В русской литературе нет других строк, столь близких и по духу и по силе к «Слову о полку Игореве». Сохранилась она, эта пьеса — но мы даже не знаем ее названия! — могла бы не только заполнить пробел, но и создать новое течение...

Без преувеличения, если бы Грибоедов закончил «Грузинские ночи», написал бы «1812 год», если бы рукопись драмы о полководцах не пропала бы... его фигура стояла бы перед нами теперь воевая бы, и «Горе от ума» не удивляло бы нас как единственная гениальная вещь писателя, в остальном ничем не завоевавшего права на бессмертие.

Владимир Рудинский

длина Генделя для пианофорте и чимбало». Когда ноты ему были присланы, он писал что пьесы Генделя «почитаются первыми и важнейшими мастерами. И для учения они славы...»

В 50 годах прошлого века «Придворная певческая капелла» не раз исполняла ораторию Генделя «Мессия». Петербургское Филармоническое Общество часто исполняло и в первой и во второй половине 19 века. «Сие бессмертное произведение», писал музыкальный критик в России в 1806 году, «пережило и переживает вкус времени». Димитрий Стасов в своих «Музыкальных воспоминаниях» сообщает о хорошем исполнении оратории «Иуда Маккавей» Генделя в концерте Львова в 1950 году. Начиная с 60 годов имя Генделя не сходило с афиш Русского Музыкального Общества, «Бесплатной музыкальной школы», и затем и концертов Зилоти, Кусевицкого и других. Исполняли ораторию Генделя Антон Рубинштейн, Направник, Сафонов и др. Рубинштейн дважды в 1883 году исполнил «Израиль в Египте». Отрывки из оратории и Римский-Корсаков.

В советский период исполняют в России оратории Генделя «Самсон», «Иуда Маккавей», «Пасскалию», его органную и камерную музыку; играют и поют Генделя не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Харькове, Тифлисе, Бресте, Риге и других городах. Известный советский дирижер Наташ Рахлин переложил для оркестра генделевскую «Пасскалию», играют музыку Генделя и баянисты (гармонисты); «Мессия» исполняется в Риге. «Самсон» во Львове.

И В. Стасов, как и Карамзин, слышал однажды исполнение оратории Генделя в Лондоне. — Когда вдруг над толпой, писал он, раздаются сступенчатого амфитеатра тысячный хор, соединившиеся в один аккорд голоса детей со всех лондонских школ. Когда пронесутся и все собой наполнят колоссальные звуки Генделя, тогда услышишь внутри себя восторг и трепет невиданного чувства, и скажешь себе, что не умерло, не оставилось искусство в нашем веке...»

Особенно ярким поклонником Генделя бы Танеев, выдающийся русский полифонист, годами Генделя изучавший музыку Генделя. Танеев дважды ездил из Москвы в Петербург специально чтобы послушать «Израиль в Египте», восхищаясь «необычайно величественным и могущественным звуком оркестра». — Контрапункт несколько не мешает вдохновению, — писал Танеев, если им хорошо владеют, и если обладают гением Генделя...»

— Мы благоговеем, — писал на склоне лет кн. Одоевский, — перед именами Баха, Гайдена, Генделя. Мы изучаем их бессмертные творения как филологи изучают Гомера и Вергилия...
Гершон Свет